

Ольга Малых

Записки
начинающей
ведьмы

Становление

Ольга Чалых

**Записки начинающей
ведьмы. Становление**

«Издательские решения»

Чалых О.

Записки начинающей ведьмы. Становление / О. Чалых —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749221-2

Меня зовут Сандра Шторм. Я стосорокалетняя начинающая ведьма. Да, да, вы не ослышались! Мне сто сорок, и я не сразу стала ведьмой...

ISBN 978-5-44-749221-2

© Чалых О.
© Издательские решения

Содержание

Как все начиналось...	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Записки начинающей ведьмы

Становление

Ольга Чалых

Вы заметили, что в сказках ведьмы носят дурацкие чёрные шляпы, тёмные одежды и летают на мётлах? Но наша история – не сказка! Мы расскажем о ведьмах настоящих!

Роальд Даль. Ведьмы.

© Ольга Чалых, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как все начиналось...

Меня зовут Сандра, Сандра Шторм, мне сто сорок лет, да-да, вы не ослышались, сто сорок, хоть и выгляжу я гораздо моложе, и я... я ведьма! Да-да, та самая, что умеет привораживать и навевать дурные сны, делать отвороты и пускать в ход ведьмин мешочек... Читаю по вашим глазам, что вы с неким-то недовольством поморщили нос и ваши мысли посетил залихватский вопрос: стоит ли дальше читать мои записки или лучше бросить, так и не начав? Поверьте мне: СТОИТ!

Родилась я в небольшой деревеньке на краю света.

– Почему на краю? – спросите вы с иронией.

– Потому что хуже быть не могло! – заверю я вас. – Но об этом чуть позже.

Ну, так, пожалуй, продолжим...

Деревня, в которой я родилась, была небольшая, но здесь уже сложилась своя иерархия, и совершенно отчетливо прослеживалось разделение на тех, кто работал и тех, на кого работали. Родители мои были людьми не просто бедными, а скорее сюда больше подойдет синоним – нищими, поэтому и семья моя относилась явно не ко второй группе.

Мы жили в маленьком домишке, с покосившимися стенами и дырявой крышей. Зимой дом промерзал насквозь, образуя изнутри иней, а весной и осенью покрывался плесенью от постоянных затяжных дождей. Долгими зимними вечерами, когда отца с матерью не было дома, мы со старшей сестрой ютились возле полуостывшей печки, прижавшись друг к другу, и согревали дыханием замерзшие руки. В моменты лютой стужи мы надевали на себя все, что могли найти в доме, поэтому были похожи на маленьких неуклюжих медвежат. То ли согреваясь в объятиях сестры, то ли так на меня действовал лютый холод, я впадала в забытие, и мое воображение погружало меня в бездну чудесных снов, рисовавших мне совсем иную жизнь. В них все было по-другому, ни я зависела от мира, а он, жалко скуля, падал к моим ногам. Однако все заканчивается, и мои сны тоже. Глубокой ночью отец и мать возвращались домой. Они сильно скандалили, потому что отец всегда был пьян. Он очень просто объяснял свое состояние – «жизнь такая». Хочу сразу отметить, что меня он не просто не любил, а даже ненавидел. Во время частых ссор родителей я слышала, как он кричал, что я совсем не похожа на него, а значит, не его дочь. Мать пыталась оправдаться, и тогда в ход шло все, что было у них под рукой. Мы с Джин, моей сестрой, от испуга забивались в самый дальний угол, крепко прижимались друг к другу и молились, просто молились. Через пару часов шум затихал, отец заваливался на старый драный диван и заунывно храпел. Да, действительно, с годами я стала замечать, что у меня нет никаких сходств с моими родными: они были все светловолосые и бледные, а я имела смуглый оттенок кожи и такие же темные волосы. Когда я пыталась хоть что-то выведать у матери о своем отличии от сестры, она только качала головой и тихо шептала:

«Не слушай ты этого старого болтуна, он уже совсем все мозги пропил».

Через полгода, попав под ледяной ливень, Джин сильно заболела и слегла. Лечить ее было нечем и не на что, деревенские знахарки по очереди советовали то одно, то другое. Однако Джин становилось только хуже. Местный доктор, который тянул с приходом две недели, наконец, явился и констатировал у нее сильнейшую чахотку. Спустя пару дней Джин умерла, и я осталась совсем одна. Отец, которому итак до меня не было дела, стал совсем невыносимый. После смерти сестры он возненавидел меня еще больше. Чтобы ни случилось в нашем старом доме: терялась ли иголка, поржавевшая от вечной сырости, или заканчивался последний ломоть хлеба – во всем была виновата только я. Отец уже не просто кричал на меня, он очень больно хватал меня за руки, оставляя на них огромные синяки. Мать, удрученная смертью сестры, казалось, совсем забыла о моем существовании. В общем, как вы заметили, детство у меня было совсем не радужное.

Хочу отметить, что мать с утра до поздней ночи батрачила на богатого жирного мужика, у которого она была в услужении. Всем ее заработком были отходы с «барского» стола. Думаю, не стоит вообще что-то упоминать о игрушках и сладостях. Когда умерла Джин, мать стала брать меня с собой на работу, и я дни напролет ходила за ней хвостом, теребя в руках когда-то яркий полинявший носовой платочек, найденный мною в луже грязи. Как вы уже поняли, он заменял мне игрушки. Пока мать хлопотала по хозяйству, я мастерила с его помощью различные фигурки, этим и развлекалась. Я представляла, что я фея и легким движением руки умею оживлять различных существ, коими управлять способна только я. Ох, как же мне хотелось в этот момент, чтобы все те, кто с жалостью или ненавистью смотрели на меня, стали таким же послушными существами в моих умелых руках.

Когда в богатом доме наступал праздник, я с завистью наблюдала за детьми хозяев, запускавшими высоко в небо воздушного змея и разноцветные шары. Мне о таком, к сожалению, приходилось только мечтать. Весь мой единственный праздник – день рождения – праздновался небольшим пряником и кружкой горячего чая.

В десять лет я не знала ни одной буквы алфавита, поэтому дети хозяина издевались надо мной, как могли. Они писали какие-то закорючки на листе бумаги и вешали мне его

на шею, заверяя, что там написано, что я умница и красавица. А я, доверчивая, верила им. Хотя какой я могла быть красавицей в застиранном и местами оборванном по краям платье, со старыми лентами в волосах, доставшимися матери от хозяйки, больше похожими на протертые носки. Когда же мать, наконец, замечала сию писанину, то сильно ругала меня, хоть читала она и плохо, но слова «сука», «гниль» и «нищенка» знала наизусть. Но хочу сразу заметить, что такая шутка была самой безобидной, обиднее всего было, когда они, будто бы невзначай, толкали меня в кучу золы или опрокидывали на меня помойное ведро, а потом насмехались над моим видом и звали «свинка Хрю». Я с ужасом смотрела на свое платье, и на глаза наворачивались слезы обиды. Если дети хозяйки замечали это, они радовались, бегали вокруг меня и злоуще улюлюкали, видимо, происходящее доставляло им большое удовольствие. Но в большинстве случаев я старалась сдерживать слезы, дабы не быть еще большим предметом насмешек. Я убегала в подсобку, где работала мать, и заливисто плакала там, злобно шепча себе под нос о скором возмездии. Как же я ненавидела этих богачей!

– Я же не виновата, что родилась в нищей семье, родителей не выбирают, – твердила я себе, пытаясь заглушить горькую обиду, душившую меня изнутри. – Когда-нибудь вы все пожалеете, что так со мной обращались!

Спустя час моя обида обычно притуплялась, я выходила из своего временного убежища и осторожно пробиралась во двор, где хозяйские дети резвились по-прежнему. Завидев меня, они показательно отворачивали носы и продолжали играть, а я с грустью и завистью наблюдала за ними. Забыла сказать, что у хозяев было трое детей: два мальчика и девочка. Софи – дочь хозяев – была сущей бестией, порой мне даже казалось, что она ведьма. Нет, нет, лицо у нее было сущего ангела, а вот душонка – с гнильцой. Все пакости, которые когда-либо случались в доме, без нее не обходились. Извлекать меня в золе или облить помоями – явно ее идеи. Откуда я это взяла? Все просто. Мне довелось подслушать, как однажды она науськивала своих братьев спустить собак на сына садовника – Эндрю – ребенка с существенными отклонениями в развитии. И, слава Богу, что все обошлось, потому что старший из братьев – Рассел – посчитал эту идею бредовой и поднадавал младшему, когда тот хотел его послушаться. Рассел – единственный человек, который относился ко мне более-менее лояльно. Ему меньше всех доставляло желание издеваться надо мной, а может, мне просто хотелось в это верить. Он был на три года старше меня. Высокий, чернобровый, с небольшим прищуром на строгом лице, он покорило тогда мое детское сердце. Честно говоря, я ему тоже нравилась, иначе бы он не таскал втихаря от брата и сестры кусочки сахара и булочки с черникой. Но это происходило только тогда, когда, например, Софи болела, а младший находился в городе. Как же я любила эти деньки. Мы прятались с Расселом за старый сарай, находившийся в самой гуще сада, и болтали о том о сем. Он рассказывал мне про волшебников и магов, про сказочные города, где нет нищих и нет богатых. Я с замиранием сердца слушала его, и моя детская фантазия рисовала все, чего мне так тогда не хватало. Потом Рассел убегал на обед, после которого обязательно приносил мне какой-нибудь гостинец. Дожидаюсь его, я постоянно гадала, что за сюрприз ждет меня на этот раз. Вот и в тот день, развалившись под раскидистой яблоней, я вальяжно перебирала в уме, чем Рассел побалуует меня сегодня. Однако он явился ни с чем, такое было в первый раз, его лицо было красным и выглядело взволнованным.

– Конеч! – еле слышно прошептал он. – Все!

– Чему конец? – я недоуменно уставилась на него.

– Всему. Завтра я уезжаю, – сокрушенно ответил он и, обреченно закрыв руками лицо, присел рядом.

– Как уезжаешь? Куда? – воскликнула я и резко приподнялась. – Зачем?

– Учиться...

– Учиться? Ты же итак умный, к тебе учителя постоянно ходят, ты читать умеешь, а я нет, – затараторила я, боясь потерять своего единственного друга. Его отъезд означал для меня

крах всех надежд, ведь в своем богатом воображении через пару лет я была его верной женой. А сейчас он уедет, забудет про меня, найдет себе красивую и богатую девочку, и она, а не я, станет его женой. Слезы великого горя хлынули у меня из глаз. Видимо такой реакции Рассел никак не ожидал. Он молчал и удивленно смотрел на меня, его длинные ресницы беспрестанно хлопали, словно крылья бабочек, готовящихся вот-вот взлететь. Взглянув на него глазами, полными слез, я еще сильнее разрыдалась. Рассел осторожно взял меня за руку и уверенно произнес:

– Я буду приезжать на каникулы!

– Раз в год, – сопливая носом, проговорила я, продолжая плакать. – Долго, я остаюсь совсем одна...

– Сандра, не плачь, – попытался утешить меня взволнованный мальчик, – прошу...

Однако я никак не могла смириться с его скорым отъездом, и эта мысль заставляла меня рыдать еще сильнее.

– Ну не плачь ты так, – снова предпринял попытку утихомирить меня Рассел. – Я же не на войну, – добавил он строго и вдруг крепко прижал меня к себе. Это был первый раз, когда он дотронулся до меня, до этого случая все обходилось банальным нахождением рядом. Мне даже порой казалось, что он немного брезговал со мной общаться.

– Да, конечно, – прошептала я сквозь слезы, до умопомрачения обрадовавшись тому, что Рассел меня обнял. – Когда отъезд?

– Завтра в обед, – ответил мальчик и тяжело вздохнул. – Я хочу тебе подарить кое-что на память. Обещай, что будешь хранить мой подарок, пока ты живешь и дышишь.

Я удивленно посмотрела на Рассела и твердо произнесла:

– Будь уверен!

Мальчик быстро засунул руку в левый карман и осторожно вытащил малюсенькую фотографию.

– Это тебе, как моему самому лучшему другу! – гордо произнес он и протянул мне черно-белое фото.

Конечно же, сейчас вы удивитесь, что с того? Подумаешь, фото да еще и черно-белое. А вот не подумаешь, мне об этом можно было только мечтать. В нашем доме и знать не знали о существовании фотографий. Я тоже не сразу поняла, что это за листок, на котором изображен мой друг. Только спустя какое-то время я узнала, как называется мой подарок, и то, совершенно случайно.

На следующий день я все утро терлась перед хозяйскими окнами, даже мать заметила мою назойливость.

– Сандра, зайди в кладовую! – недовольно скомандовала она. – Что ты бродишь под окнами хозяев сама не своя? Что случилось?

– Ничего! – ответила я обычновенным тоном, стараясь не выдать себя. – Я же ничего плохого не делаю...

– Ладно, извини, – мать потрепала меня по волосам. – Возьми с полки под столом пирог с мясом, – добавила она дружелюбно и заговорщически подмигнула мне.

Сия новость очень удивила меня. С чего вдруг такое яство? Мясо почти никогда не перепало нам с барского стола. Мать будто бы прочитала вопрос в моих глазах:

– Старший сын хозяев – Рассел – сегодня уезжает, – начала было говорить мать.

Однако услышать имя Рассела для меня было достаточно. Я скривила губы и громко разрыдалась. Мать с удивлением посмотрела на меня. После того, как я наконец-то успокоилась, мне пришлось рассказать ей про Рассела и про его подарок. В глубине души я боялась, что она пожурит меня или на крайняк поругает, но мать ничего не ответила, она нежно обняла меня за плечи и поцеловала в макушку. От этих действий я разрыдалась еще больше, теперь

уже просто потому, что так она не делала очень давно, со дня смерти Джин. Рассел уехал, я видела, как отъезжала карета, в которую он сел. С надеждой я смотрела на оконце, задернутое темной шторой. Но Рассел не выглянул, карета уехала, а моя жизнь стала еще никчемнее. Весь день я проводила с матерью на работе, более-менее согретая и накормленная, а вечером мы возвращались в дом к пьяному отцу, который становился мне все ненавистнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.